

Александр Эрот

*Нарушающая
запреты*

18+

Александр Эрот
Нарушающая запреты

«Автор»

2026

Эрот А.

Нарушающая запреты / А. Эрот — «Автор», 2026

Она знала цену каждому вдоху. Идеальный спасатель, закованная в красную броню строгой униформы и мертвых правил. Привыкла контролировать всё, прячась на безопасном мелководье от пугающей глубины и собственных подавленных желаний. Пока на границе прилива не появился он. Марк — одинокий ныряльщик, фридайвер с телом, испещренным шрамами, и глазами цвета темной воды. Он не нуждается в ее спасении. Он предлагает ей нечто гораздо более опасное. Он предлагает ей утонуть. Шаг за шагом, горячее прикосновение за прикосновением, этот мужчина безжалостно срывает с Алисы панцирь страхов и социальных запретов. От обжигающего металла спасательной вышки до фосфоресцирующей тьмы подводных пещер и эпицентра разрушительного шторма — их связь становится всё более дикой и откровенной. Глубокий, чувственный и провокационный роман о том, что настоящая свобода начинается там, где ты перестаешь чувствовать дно.

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Эрот

Нарушающая запреты

Глава 1.

Она знала: спасать — значит, прежде всего, обладать. Прикасаюсь не грубой хваткой, а медленным, проникающим под кожу взглядом. Выхватить из слепящей, пенной мути судорожный всплеск, угадать ту тонкую, едва уловимую грань, где животная паника растворяется в сладком, гипнотическом желании отпустить берег и отдаться глубине.

На вышке она сидела, затянутая в красную ткань куртки, словно жрица в храме строгого божества. А внизу, на раскаленном золоте песка, сплетались и распадались тела, образуя живой, пульсирующий ландшафт. Ей было запрещено к нему прикасаться, но она впитывала его, запоминая до дрожи в костях каждую линию чужой плоти.

Особенно его плоти.

Того мужчины, что пришел накануне в час закатного томления. Он красиво лёг на самую кромку, туда, где вода встречается с сушей, и позволил жадным языкам волн по-хозяйски слизывать соль с его бедер. Он словно испытывал, выдержит ли кожа эти бесконечные, дразнящие ласки. Она помнила всё: неровный шрам под его лопаткой, сбивчивый ритм дыхания и то, как его пальцы сладострастно впивались во влажный песок, когда ее взгляд, тяжелый и осязаемый, скользил по его спине сверху вниз. Он не поднял лица. Он лишь улыбнулся морю — так, как улыбаются сообщнику. И в то же мгновение она поняла: сегодня она спустится с вышки. Не по регламенту. А чтобы узнать, кто из них двоих на самом деле начал тонуть.

Ступени обжигали босые ступни, словно рассыпанные под солнцем золотые монеты. Она спускалась, физически ощущая, как резина сандалий плавится от жара, а плотная ткань шорт врезается во влажную плоть бедер, делая каждое движение мучительным и острым.

Пляж внизу дышал. Это была не метафора — огромное, многоликое животное вспучивалось сотнями разгоряченных тел, выдыхало в раскаленный воздух ароматы мускуса, йода, кокосового масла и пота, вибрировало низкими, проникающими в низ живота басами колонок. Она шла босиком. Прибойная пена тут же с шипением бросалась целовать ее следы, смывая их без остатка. В учебном центре инструктор сухо чеканил: «Держись в зоне видимости. Фиксируй координаты. Эмоции — роскошь». Но теперь координаты потеряли смысл. Единственное, что она могла фиксировать, — это глухой, нарастающий пульс собственной крови.

Он ждал там же. На зыбкой границе двух стихий, где сухой песок сдается, превращаясь в податливую, льнушую к коже глину. Он лежал на животе, подставив лицо дыханию моря. Шрам на его лопатке теперь казался не раной, а тайной картой, руслом пересохшей реки, по которому ей вдруг нестерпимо захотелось провести губами.

Она остановилась в трех шагах. Воздух между ними сгустился, стал вязким, как перед тропической грозой, когда небо уже набухло от влаги, готовое разразиться бурей, приносящей облегчение. Он не обернулся. Просто сдвинул руку — медленно, раскрывая ладонь навстречу небу. Жест без единого слова. Приглашение разделить тайну? Или абсолютная капитуляция? — Ты сегодня не тонула? — спросил он.

Его голос был низким, с бархатистой хрипотцой. Звук, который не просто слышишь, а чувствуешь кожей.

Она наклонилась. Солнце обжигало лопатки, отбрасывая ее тень прямо на его спину, словно ставя на нем свою личную печать.

— Я никогда не тону, — ответила она, стараясь удержать дыхание ровным. — Я лишь вытаскиваю тех, кто самонадеянно решил, что спасется сам.

Он, наконец, повернул голову. Глаза — цвета мокрого камня, отполированного волнами. В них не было и тени страха. Только острое, как лезвие, любопытство и та первобытная, откровенная тишина, которая бывает лишь у людей, давно сбросивших с себя необходимость казаться кем-то другим.

— А если я не решал? — он медленно выдохнул, и его грудь коснулась влажного песка. — Если меня просто тянет на дно?

Она опустила перед ним на корточки. Ткань униформы туго натянулась на бедрах, напоминая о том, что она закована в броню правил, раций и чужих жизней, уложенных в мертвые графы отчетов. Но здесь, на этой мокрой границе миров, линии размывались. От его загорелой кожи пахло йодом и чем-то горько-пряным, похожим на нагретую солнцем полынь. На мгновение она вспомнила мать — ее сухие руки, ее вечный страх: «Не лезь туда, где не видишь дна. Глубина всегда обманывает». Мать умерла на абсолютно сухом берегу. От инсульта. Без единой капли воды, так и не узнав, что значит отдаться стихии.

Его пальцы чуть шевельнулись, скользнув по ее щиколотке, а затем поднялись выше, коснувшись запястья. Невесомая проверка. Как прикосновение камертона к натянутой струне. Ожог.

Она не отдернула руку. Знание регламента требовало отступить, зафиксировать нарушение дистанции, спрятаться за протокол. Но правила были придуманы для тех, кто боится утонуть. А она любила воду. Любила ее нежную тяжесть, ее обволакивающую силу, ее способность принимать в себя всё без остатка, не задавая глупых вопросов и не требуя никаких отчетов. И сейчас, под прикосновением его пальцев, она чувствовала, как сама становится этой водой.

Внезапно ветер изменил направление, принес с собой густой, волнующий запах далёкого шторма. Огромное лоно моря протяжно вздохнуло. Волна, более смелая и тяжелая, чем другие, жадно лизнула его бедра, а затем скользнула выше, обнимая ее колени. Внезапный холод прошел тело до самых костей, но вместо того, чтобы отрезвить, лишь острее пробудил чувственность.

Он сел. Вода медленно стекала по его позвоночнику, прочерчивая темную блестящую дорожку, похожую на каплю дождя, скользящую по горячему стеклу.

— Здесь мелко, — произнесла она. Ее голос прозвучал как слабая попытка уцепиться за свой долг. — Настоящая глубина начинается за рифом. Там, где трепещет красный флаг.

— Я знаю, — ответил он.

Он встал. В этом движении не было ни поспешности, ни рисовки. Он просто выпрямился, словно мощное дерево, питающееся соками этой земли. И протянул ей руку. Не для того, чтобы вытащить ее на безопасный, сухой берег. А для того, чтобы вести за собой.

Она бросила взгляд через плечо, на вышку. Там, в пластиковом кожухе, слепо и равнодушно вращался глазок камеры. Рация на ее поясе хранила молчание, лишь изредка выплевывая сухое электрическое потрескивание. Пляж за ее спиной продолжал жить своей суетливой, плоской жизнью: визжали чужие дети, трепыхались пестрые зонты, надрывался в свисток продавец мороженого. Внезапно она осознала, что всё это — лишь картонная декорация. Настоящая, пульсирующая жизнь пульсировала только здесь, у влажной кромки, где вода уже не спрашивала разрешения на прикосновение.

Она вложила свою кисть в его руку. Его ладонь оказалась шершавой, испещренной жесткими мозолями от корабельных канатов или весел, с кристаллами соли, вьёвшимися под ногти. Это была рука не праздного туриста, а мужчины, познавшего стихию. Кем он был? Ловцом жемчуга? Искателем глубинных пещер, где эхо заменяет слова? Это больше не имело значения.

Они шагнули вперед, прямо в темнеющую воду. Она поднималась всё выше — ласкала лодыжки, обволакивала икры, смыкалась над коленями. Зыбкий песок уходил из-под ног, уступая место древним камням, скользким от водорослей. Он шел уверенно, не оглядываясь, точно зная, что она последует за ним. И она не отставала. Ее сердце колотилось, но не от первобыт-

ного страха. Это был трепет узнавания. Словно она всю свою жизнь шла по сухому, расчерченному правилами берегу лишь для того, чтобы сейчас впервые по-настоящему ступить в воду.

Риф вырос перед ними внезапно — темная, зубчатая гряда, вспарывающая поверхность воды, словно шрам на теле самого мира. За этой границей море меняло свой нрав: оно становилось густым, почти черным, отливающим тяжелым маслянистым блеском неразгаданной тайны.

— Там сильное течение, — прошептала она, и ее голос предательски дрогнул.

— Знаю, — отозвался он бархатисто. — Оно утягивает прямо в бухту. Туда, где нет спасательных вышек. Где нет запретов. Где нет никого, кто стоял бы с секундомером и высчитывал, сколько ты обязана сопротивляться, прежде чем позволишь себе сдаться.

Она замерла. Ветер играл ее волосами, прилипшими к влажной шее, донося дурманящий аромат йода и надвигающейся грозы. Она знала: стоит ей переступить через этот риф, и обратного пути уже не будет. Не по законам пляжа — по законам ее собственного тела. Внутри себя она уже давно покинула свой пост. Внутри себя она поняла самую главную, пугающую истину: спасение — это далеко не всегда возвращение на берег. Иногда истинное спасение — это полное, экстатическое согласие на погружение.

Она думала о том, как смешны люди, путающие спасение с обладанием. Как стражница берега, она была обязана сохранять дистанцию. Но как женщина, чей пульс сейчас сливался с ритмом прибоя, она неистово желала эту дистанцию уничтожить. Где проходит черта? В строгом протоколе или в дрожащей плоти? В сухом отчете или в сбитом дыхании?

Он кожей почувствовал ее секундное колебание. Не произнеся ни звука, он просто сжал ее пальцы. В этом пожатии не было мужской диктатуры. В нем читалось обещание: «Если ты начнешь падать, я не стану тащить тебя на свет. Я останусь во тьме, под водой, вместе с тобой. А если захочешь уплыть — не стану держать. Я просто буду свидетелем твоей глубины».

И она сделала шаг через риф.

Вода сомкнулась высоко на ее бедрах. Пронизывающий холод обжег разгоряченную кожу, но это лишь усилило сладость момента. Он повернулся к ней и медленно, властно обнял за талию. Его руки были бесконечно нежными, словно он держал хрупкий хрусталь, который хотел не разбить, а согреть жаром собственного тела. Его губы оказались у самого ее уха.

— Дыши, — горячо прошептал он, и его дыхание смешалось с ветром. — Море не душит. Оно лишь проверяет, готова ли ты без остатка отдаться ему.

Она закрыла глаза, отрезая себя от внешнего мира. Твердый песок больше не поддерживал ее стопы. Осталась только обволакивающая влага, гипнотический ритм волн и его сильные руки, которые не пытались ее спасти, но дарили абсолютную опору. И в эту секунду ослепительного осознания она поняла: настоящее путешествие началось не тогда, когда она покинула вышку. Оно началось в тот миг, когда она позволила себе забыть, что она — спасатель.

В темной воде осталась только женщина. И мужчина, который не нуждался в спасении. Он предлагал ей нечто гораздо большее. Он предлагал ей бездну.

Глава 2.

Вышка №4 возвышалась над пляжем, как раскаленный алтарь покорности. Алиса сидела на самом краю платформы, вжимая босые ступни в металлическую решетку. Железо обжигало, и эта острая грань боли странным образом отрезвляла, заставляя чувствовать себя живой. Солнце тяжело и властно било в спину, его жар проникал сквозь плотную ткань красной куртки, плавя остатки воли.

Стерильный протокол требовал держать сектор обзора от буя до мыса. И она держала. Но не глазами служащего. Она читала воду кожей. Она знала интимный, скрытый язык моря: белая, рваная пена — это грубый разрыв; серый, тягучий оттенок — коварный, засасывающий тягун; мутно-бирюзовая волна с тяжелым маслянистым блеском — тарга, что не просит разрешения, а берет силой, утягивая на дно. Рация на ее поясе раздраженно трещала, выплевывая сухой, лишенный пола голос диспетчера, расчерчивающего море на мертвые квадраты координат. Она не слушала. Она глушила этот голос ритмом собственной крови и дыхания. Вдох на четыре удара сердца. Выдох на шесть. Так учили в центре. Так дышала ее мать, пытаюсь обмануть смерть, пока не перестала дышать совсем.

Внизу, в душной тени нижнего яруса, валялся учебный манекен «Волна-4». Тяжелый, обтянутый мертвой, грубой резиной, с незрячими глазами и культями, пахнущими пылью и имитацией плоти. Спускаясь к нему по ступеням, Алиса чувствовала, как подошвы ее сандалий плавают на железе, оставляя липкие, податливые следы. Разбег. Рывок. Фиксация затылка. Волочение по шершавому песку. Тридцать две секунды первобытного усилия. В блокнот ложились сухие, торопливые линии оправданий: «Субъект тяжел... влага снижает сцепление». Но Система презирала плоть и ее слабости. Системе нужны были только координаты и время. Униформа протокола, в которую Алиса была затянута туже, чем в корсет.

А потом ветер внезапно сменил направление.

Резкий, как удар невидимой плети, порыв сорвал с песка полосатый зонт. Удар по лицу чужой женщины — потеря равновесия — и вот уже отбойная волна жадно слизнула добычу, сомкнувшись над ее бедрами. Паника всегда выглядит одинаково некрасиво: запрокинутая шея, конвульсивные взмахи, захлебывающийся крик, который тонет в равнодушном шуме прибора.

Алиса не думала. Мысли слишком медлительны, когда говорит инстинкт. Тело сорвалось с места раньше, чем мозг успел отдать приказ. Бег по мокрой кромке, брызги, бьющие по бедрам. Рывок за скользкое от воды предплечье. Жесткая фиксация шеи двумя пальцами — и вот она уже нащупала под кожей бешено бьющуюся жилку сонной артерии. Горячая пульсация чужой жизни. Подхват под бедра, рывок на сухой песок. Женщина, извиваясь, выкашливала соленую воду, глядя на свою спасительницу расширенными глазами, в которых плескалась бездна. Алиса лишь коротко кивнула. Сделала три шага назад. Идеальная машина спасения. Но под красной курткой ее собственное сердце билось, как обезумевшее, выбивая в груди сухой, болезненный ритм возбуждения и долга.

У подножия лестницы ее ждала Инна. Идеально выглаженная форма, хрустящая, взгляд — холодное лезвие скальпеля, заточенное под нормативы.

— Превышение нормы на ноль целых восемь десятых. Дистанция нарушена, — процедила она, не отрывая глаз от мертвого экрана планшета. — В следующий раз течение заберет и тебя. И я не стану писать объяснительные за двоих.

Алиса молчала. Ей ли не знать, что спорить с Инной — значит пытаться объяснить слепому оттенки рассвета. Тело помнит то, чего никогда не зафиксирует журнал. Плоть знает, как найти пульс, руководствуясь животным магнетизмом, а не инструкцией.

— Повторишь маневр, — отчеканила Инна, и шелчок закрывающегося планшета прозвучал как выстрел в упор. — И выветри эту дрожь. Спасатель не имеет права дрожать. Дрожат только те, кого поглощает вода.

Теплый ветер лизнул шею, принесся приторный запах кокосового масла и горечь йода. Запах обмана. В памяти на мгновение всплыла мать: зашторенные от солнца окна, резкий дух камфоры, сухая, пугающая ладонь на затылке. «Не лезь туда, где не видишь дна, Лёля. Оно гладкое лишь на поверхности. А внутри — жадная воронка. Она засасывает». Алиса провела языком по пересохшим губам, слизывая кристаллики соли. Ее мать умерла от инсульта. Она боялась не воды. Алиса боялась именно этого — тихого, безжалостного высыхания заживо. Страха проснуться однажды утром и понять, что вся жизнь ушла на томительное ожидание чужой команды.

Тяжело дыша, она поднялась обратно на свою платформу. И замерла.

Там был он. Тот самый мужчина со вчерашнего заката. Тот, чье тело накануне так жадно принимало ласки волн. Теперь он стоял у подножия ее вышки. Он поднимался по ступеням. Медленно. Не как робкий турист, а с тягучей, завораживающей грацией хищника, исследующего новую территорию. Шаг за шагом. Тонкая ткань его рубашки намочила и теперь плотно прилипла к торсу, превратившись во вторую кожу. Она бесстыдно обнажала каждый рельеф: мощный разлет лопаток, извилистый след старого шрама, напряжение каждого позвонка при движении.

Алиса сканировала его тело так, как должна была сканировать горизонт. Она впитывала взглядом глубокую ямку ключицы, выступающую при ровном, глубоком вдохе, как киль красивого судна. В нем не было судорожности, не было паники. Солнце скользило по его влажному плечу, оставляя золотистый след, который она запомнила еще вчера, глядя на него сверху вниз.

Он остановился на последней ступени. Не переступил границу. Просто ждал. Пространство между ними мгновенно сгустилось, стало вязким и тяжелым, как воздух за секунду до удара тропической молнии, когда небо уже набухло от желания разрядиться.

— Жарко, — произнес он.

Его голос был низким, полным бархатной хрипотцы, похожим на трение туго натянутого каната о деревянный шкив.

— Эта куртка тебя душит.

Она не ответила. Жесткий, высушенный солнцем протокол запрещал снимать форму на посту. Запрещал отвлекаться. Запрещал любое прикосновение, способное превратить безучастного наблюдателя в трепещущего участника. Но мертвые правила не учитывали того, что влажная ткань уже стала кандалами для ее плоти, что кожа плеч горела, а внутри, в самом низу живота, что-то тяжело и сладко сдвинулось с места. Словно якорь, наконец сорванный со дна, потянул за собой ржавую цепь из запретов, сухих отчетов и чужих, плоских жизней.

— Сними, — повторил он, и в его голосе прозвучала гипнотическая мягкость. — Не мучай себя.

И она повиновалась. Медленно, словно во сне. Пальцы нащупали замок молнии. Резкий металлический звук разорвал тишину, как треск льда по весне. Плотная ткань поползла вниз, освобождая влажную шею, впадинки ключиц, прилипшую к ребрам майку, под которой угадывалась тяжесть груди. Океанский воздух коснулся обнаженной кожи — обжигающе прохладный после удушающего жара, — и она почувствовала, как по позвоночнику пробежал не озноб, а электрический разряд. Она не отводила от него взгляда. А он смотрел не просто на ее тело. Он смотрел на то, как она дышит. На то, как вздымается ее грудь. На то, как едва заметно дрожат ее пальцы, сжимающие край сброшенной формы.

Он протянул ей свою футболку — простую, серую, лишенную знаков отличия, но насквозь пропитанную запахом мужского пота, морской соли и нагретого хлопка. Она приняла ее. Переделалась прямо перед ним. Не отворачиваясь. Не торопясь, наслаждаясь своей

внезапной смелостью. Грубая ткань скользнула по ее плечам, окутала талию. Она чуть подала бедро вперед, чтобы поправить подол. Он стоял неподвижно. Впитывал взглядом то, как чужая материя ложится на ее изгибы, как под ней скрывается плоть, становясь еще более желанной. Истинная эротика крылась не в вульгарном обнажении. Она таилась в этом звенящем запрете. В том, что он мог взять ее прямо сейчас, но не касался. В том, что она позволяла ему смотреть, не прося пощады. В этом густом молчании, которое стало громче и откровеннее любого стога.

— Ляг, — произнес он. — Я сниму напряжение.

Она не стала спрашивать «почему». Не стала спрашивать, кто он такой. Она просто опустилась на коврик, брошенный на раскаленную платформу. Лицом вниз. Вытянув руки. Ее тело было натянуто, как струна, готовое ко всему. К сексу. К грубому вторжению. К тому, чтобы этот сильный незнакомец наконец разрубил тугой узел из долга, страха и мертвых материнских предостережений, который годами сковывал ее челюсти и мышцы шеи.

Его ладони опустились на ее лопатки. Но не сразу. Сначала ее кожи коснулся лишь жар его рук, зависших в миллиметре от тела. И только потом — плоть. Шершавые, испещренные мозолями, горячие, как камни в полдень. Его нажим не был лечебным. Он был исследующим, властным. Он скользил по ее мышцам, как слепой картограф, читающий рельеф неизведанного континента. Находил спрятанные спазмы. Разминал. Каждое круговое движение его больших пальцев снимало с нее слой фальшивого протокола. Каждое скольжение вытесняло из головы страх. Она закрыла глаза и попыталась дышать, как учили: вдох на четыре, выдох на шесть. Но ритм неизбежно сбивался. Теперь ее тело подчинялось не инструкции, а его рукам. Запрет, ставший возможным, превратился в тяжелую, обволакивающую волну возбуждения.

Рация на поясе хранила мертвое молчание. Ветер стих. Внизу, на песке, продолжалась суетливая жизнь, но здесь, на высоте вышки, время замерло, как вода в чаше перед великим отливом. Его пальцы глубоко вдавливались в основание ее шеи, и кожа под ними плавилась, становилась податливой. Горизонт, который еще час назад был для нее строгой границей, теперь превратился в распахнутую дверь.

Дно не обманывало. Оно просто ждало. И она, наконец, перестала цепляться за поверхность.

Медленно перевернувшись на спину, она стянула с себя футболку. Его руки тут же приняли ее обнаженность: скользнули по животу, ласково и жадно обвели контуры груди. Повинуясь первобытному инстинкту, она потянулась вниз, дернула тонкий бантик трусиков и осталась перед ним абсолютно нагой. Открытой ветру и его взгляду.

Он смотрел на нее без суетливой похоти — трепетно, поглощая каждую впадинку, каждую тень, играющую на ее животе. Под этим пристальным, осязаемым взглядом ее соски непроизвольно затвердели. Между бедер зародилась горячая, влажная пульсация — естественная и неотвратимая, как сам прилив.

Его широкая ладонь легла ей на низ живота, чуть ниже пупка. И замерла. Как тяжелый, горячий якорь. Тепло от его руки расходилось кругами, проникая глубоко в мышечную ткань. Она видела, как чуть подрагивают его пальцы — не от робости, а от чудовищной, сдерживаемой мужской силы. Он мог бы сжать. Мог бы проникнуть. Мог бы потребовать всё. Но он ждал. И это садистски-сладкое ожидание сводило с ума.

— Дыши, — прошептал он, и эта команда прозвучала эротичнее любых признаний.

Она сделала глубокий вдох. Ее грудь поднялась, коснувшись его ладони. Он позволил ее телу задавать собственный ритм, подстраиваясь под биение ее сердца. А затем его пальцы неохотно, дразняще-медленно поползли вниз. К источнику жара. Туда, где кожа горела в ожидании. Будто вся ее плоть всю жизнь готовилась именно к этому прикосновению, к моменту, когда границы между «я» и «он» растворятся, как кристалл соли в теплой воде.

Вторая его рука обхватила ее грудь. Она выгнулась дугой и застонала — долго, протяжно, выдыхая воздух, который, казалось, копила в легких десятилетиями. Его большой палец гру-

бовато провел по отвердевшему соску. Это был вопрос. Она ответила телом: приподняла бедра, раскрываясь, позволяя ему ощутить свою обжигающую влажность. Это была ее абсолютная капитуляция.

Он склонился над ней. Не к губам — к шее. Его прерывистое дыхание обожгло яремную впадинку, и по ее позвоночнику ударила мощная, неумолимая дрожь. Его губы так и не коснулись кожи — они лишь зависли в миллиметре от пульсирующей венки, и эта попытка предвкушением была острее самого поцелуя. Она вдыхала запах его пота и горечи, и этот аромат навсегда вплетался в ее подсознание.

— Перевернись, — его голос стал хриплым, диким.

Она беспрекословно легла на живот, подставив спину его горящему взгляду. Широкая, тяжелая ладонь опустилась между ее лопаток и начала свое медленное, гипнотическое движение вниз, вдоль линии позвоночника. Каждый сантиметр ее кожи пел под его рукой, как натянутая струна под смычком виртуоза. Достигнув поясницы, он остановился в самой уязвимой точке и начал чертить медленные круги. Ее бедра, не подчиняясь разуму, начали ритмично приподниматься, отчаянно ища опоры, ища спасительного трения.

— Марк... — выдохнула она свое первое слово за этот бесконечный вечер. — Не останавливайся.

Он не ответил. Его руки скользнули ниже, жестко и уверенно сжали ее ягодицы, напоминая о его власти над ней. Сильные пальцы безапелляционно раздвинули ее бедра. Воздух на мгновение охладил влажную плоть, но тут же сменился обжигающим дыханием там, где она была наиболее обнажена и беззащитна.

Он не торопился. Сначала — только жар его дыхания. Затем — легкое, дразнящее касание губ. И наконец — широкий, влажный язык, который провел по ней снизу вверх, медленно, как тяжелая волна, смывающая границы, вымывающая остатки стыда, оставляя лишь чистое, первозданное наслаждение.

Ее пальцы до боли вцепились в раскаленную металлическую решетку вышки. Она больше не чувствовала железа. В мире остался только его рот, его уверенный язык и тот первобытный ритм, который он диктовал. Ее бедра начали биться ему навстречу. Это был танец без музыки, диалог плоти, идеальный цикл прилива и отлива.

Напряжение скручивалось в тугую спираль где-то у основания крестца. Она чувствовала приближение этой волны — той самой, непреодолимой волны, которую она так боялась и которой так жаждала. И когда эта водяная гора наконец обрушилась на нее, затопляя разум ослепительным светом, она не закричала. Она запрокинула голову и с долгим, вибрирующим выдохом произнесла его имя, позволяя судорогам блаженства прошивать ее тело насквозь.

Он поднялся не сразу. Дал ей время вынырнуть из этого сладкого небытия. Он лег рядом, не касаясь ее, просто позволяя ее дыханию успокоиться. Когда она повернула к нему лицо, в его глазах цвета мокрого гравия она увидела нечто новое. Глубокое признание. Понимание того, что женщина, лежащая перед ним, переродилась.

— Твоя очередь, — прошептала она, и ее голос дрожал от нерастраченной страсти.

Она потянулась к нему. Ее пальцы уверенно легли на холодную пряжку его ремня. Растегнула кожу, стянула вниз грубую ткань. Он приподнял бедра, помогая ей, отдавая себя в ее власть. Когда он предстал перед ней обнаженным, она смотрела на него с той же жадной внимательностью, с какой он изучал ее.

Его тело было прекрасным — тяжелым, реальным, налитым кровью и силой. Он был твёрдым, но не напряжённым. Лежал на животе, тяжёлый, реальный, и она почувствовала, как между бёдер снова зарождается влага — от желания, от узнавания. От понимания того, что это тоже часть его, такая же настоящая, как шрам на лопатке, как мозоли на ладонях, как тишина, которую он носил в себе.

Она склонилась к нему. Коснулась губами, вбирая вкус морской соли и терпкой мужской кожи. Затем провела влажным языком по всей длине, изучая пульсацию вен и исходящий от него жар. Его пальцы нежно взяли её за волосы, а дыхание мгновенно сбилось, стало рваным и поверхностным. В этом была ее новообретенная женская власть — тихая, мягкая, не требующая подчинения, но дарующая абсолютное наслаждение.

Она обхватила его медленно, давая ему время привыкнуть к обволакивающему теплу и скользкой влажности своего рта. Он не толкался ей навстречу. Он просто лежал, позволяя ей самой задавать темп, и это глубинное мужское доверие пьянило сильнее, чем его страсть. Она чувствовала, как каменеют его мышцы, как напрягается каждый нерв. Знание того, что именно она ведет его к краю пропасти, наполняло ее темной, торжествующей радостью.

Когда он сорвался в бездну, он не застонал. Он лишь сделал один длинный, бесконечный выдох — такой же, как ее собственный.

Они лежали рядом на горячем металле вышки. Рация молчала. Море затаило дыхание. Внизу уже сгущались сумерки. Тишина между ними была плотной, осязаемой и куда более искренней, чем любые слова. Она чувствовала, как его большие, шершавые пальцы находят ее руку. Их ладони переплелись — не сжимая, а просто существуя в едином пространстве.

В этом прикосновении не было клятв в вечной любви. Это было обещание присутствия. Простое, молчаливое понимание: глубина никогда не обманывает. Она терпеливо ждет, пока ты перестанешь в панике цепляться за поверхность, разожмешь пальцы и позволишь себе пойти ко дну.

И сегодня она, наконец, позволила. Впервые в жизни.

Глава 3.

Вода из душевой лейки была жестко, методично и абсолютно бездушно. Она обрушивалась на плечи Алисы не как благодать, а как наказание, словно крошечные иглы, призванные загнать трепещущую плоть обратно в строгие рамки устава. Это была пресная, мертвая, хлорированная вода спасательной станции — вода, убитая трубами, фильтрами и системой. Она пахла обеззараживающими средствами, безопасностью и тотальным контролем.

Алиса стояла под струями, закрыв глаза, и с остервенением терла кожу жесткой мочалкой. Она пыталась смыть с себя этот бесконечный день. Смыть липкую, удушающую пленку солнцезащитного крема, въевшийся в поры запах чужого пота и страха, смыть напряжение многочасового наблюдения. Но главное — она отчаянно, почти до крови, пыталась смыть с себя фантомное прикосновение его рук.

Ее тело, годами дрессированное не чувствовать ничего, кроме усталости и готовности к рывку, теперь предательски пульсировало. Кожа на лопатках, там, где лежали его широкие, шершавые ладони с въевшейся солью, горела, словно заклеянная. Между бедер, в самом глубоком и темном средоточии ее женского естества, скручивалась тяжелая, тягучая спираль ожидания. Это была не просто физиологическая реакция. Это была жажда. Первобытная, темная, пугающая жажда, которую нельзя было утолить этой мертвой водой из-под крана.

Резкий щелчок дверного замка разрезал гул падающей воды. Флуоресцентные лампы раздевалки моргнули, заливая кафель безжалостным, холодным светом.

Алиса выключила кран. Тишина упала на уши тяжелым бетонным блоком.

На пороге душевой стояла Инна. Начальница смены выглядела так, словно сама состояла из прямых углов, параграфов и запретов. Ее форма была отутюжена до хруста, ни единой складки, ни единого намека на то, что под этой тканью дышит живая женщина. Инна пахла антисептиком, выглаженным хлопком и выжженной пустыней.

— Ты задержалась при сдаче журнала, — голос Инны прозвучал сухо, безжизненно, эхом отражаясь от кафельных стен. Глаза начальницы, похожие на два осколка мутного льда, скользнули по обнаженному, блестящему от капель телу Алисы. В этом взгляде не было ни осуждения, ни интереса — только холодная инвентаризация имущества базы.

— Смывала песок, — ровно ответила Алиса, потянувшись за полотенцем. Она обернула его вокруг себя, инстинктивно создавая барьер, но не от стыда, а от ледяного холода, исходящего от этой женщины.

— Завтра в семь ноль-ноль внеплановая проверка нормативов по спасению на воде, — чеканила Инна, сверяясь с планшетом. — Выспись. Соберись. У тебя сегодня был странный взгляд, Ветрова. Расфокусированный. Спасатель, который витает в облаках, — это потенциальный труп. Или, что еще хуже, чужой труп в нашей зоне ответственности. Не делай глупостей.

Алиса смотрела на нее и вдруг увидела то, чего не замечала раньше. Инна была мертва. Она умерла много лет назад, на этом сухом берегу, спрятав свою женственность, свои страхи и свои желания в железный сейф протоколов. Инна была идеальным слепком системы, в которую Алиса встраивала себя все эти годы, убегая от панического страха своей матери перед глубиной.

— Я поняла, Инна. Ошибок не будет.

Дверь хлопнула. Алиса осталась одна.

Она подошла к своему металлическому шкафчику. Внутри, на плечиках, висела ее «гражданская броня» — плотные синие джинсы, способные утянуть бедра и подчеркнуть их естественные изгибы, и глухая льняная рубашка. Одежда для того, чтобы слиться с толпой,

стать невидимкой, благополучно добраться до своей стерильной квартиры, зашторить окна и провалиться в сон без сновидений.

Рука Алисы потянулась к джинсам, но замерла в миллиметре от грубой ткани. В голове, словно гипнотический метроном, застучали координаты, которые Марк бросил ей, прежде чем исчезнуть в сумерках: «Скрытая бухта за мысом. Там, где кончаются буйки».

Ее пальцы дрогнули. Медленно, словно совершая ритуальное святотатство, Алиса отодвинула джинсы в сторону. На самом дне шкафчика, забытое, скомканное, лежало платье. Тончайший, почти невесомый шелк цвета темного изумруда. Она купила его когда-то давно, в приступе непонятной тоски, но так ни разу и не надела, считая слишком откровенным, слишком... кричащим о том, что под ним скрывается плоть.

Алиса сбросила полотенце. Она не стала надевать нижнее белье. Никаких стягивающих резинок, никаких косточек, впивающихся в ребра, никаких преград. Она подняла платье и позволила ему скользнуть через голову. Шелк опустился на ее еще влажную, разгоряченную кожу с тихим шелестом. Ткань прилипла к груди, мгновенно обрисовав напрягшиеся, отвердевшие соски, скользнула по впадине живота и мягко легла на бедра.

Алиса посмотрела в зеркало. Оттуда на нее смотрела незнакомка. Женщина с влажными, спутанными волосами, темными, расширенными зрачками и приоткрытыми губами. Под тонким шелком угадывалось каждое движение ее тела. Это был акт абсолютного неповиновения. Ее личная, тихая революция. Она выходила из зоны ответственности.

Она покинула базу не через освещенный парадный вход, а через старую, заржавевшую служебную калитку в заднем дворе. Щелчок закрывшегося за ней замка прозвучал как выстрел, отсекающий прошлое.

Спустились глубокие, южные сумерки. Воздух за пределами базы был иным — он гудел от дневного жара, отдающего свою силу земле, и пах водорослями, йодом и гниющим деревом.

Алиса шла босиком. Сначала под ногами был идеальный, просеянный тракторами песок туристической зоны. Этот песок был ручным, покорным, безопасным. Но чем дальше она уходила от линии буйков, от вышек спасателей и от света фонарей, тем сильнее менялся ландшафт. Городской шум стихал, уступая место первобытному, тяжелому дыханию открытого океана.

Песок сменился колкой, остывающей галькой. Каждый шаг заставлял мышцы стоп напрягаться, искать баланс. Затем начались валуны мыса «Кривой». Зона, запретная для купания. Зона непредсказуемых течений и острых рифов.

Алиса не сбавила шаг. Темнота обволакивала ее, но страха не было. Напротив, в этой первозданной темноте ее чувства обострились до животного предела. Камень под босой ногой казался живым. Легкий ночной бриз задувал под подол платья, остужая горячую кожу бедер и заставляя шелк тереться о ее самые чувствительные места. Это трение было непрерывной, дразнящей лаской, от которой у Алисы перехватывало дыхание.

Океан здесь, за мысом, не заигрывал с берегом, как на пляже. Он бился о скалы с глухим, рокошущим стоном. Брызги от разбивающихся волн долетали до Алисы, оседая на ее лице, на ключицах, на платье, делая его окончательно прозрачным. Соль стягивала губы.

Она карабкалась по скользким камням. Ее дыхание сбилось — не на привычные «четыре-шесть», а стало рваным, глубоким, жадным. Она физически ощущала, как с каждым пройденным метром по этой дикой территории с нее слетает невидимая шелуха правил и предписаний. Боль от острых камней, впивающихся в нежную кожу стоп, странным образом переплеталась с нарастающим эротическим томлением. Боль заставляла чувствовать себя живой. Она пробуждала плоть.

Внизу живота разливался тяжелый, пульсирующий жар. Алиса знала, что идет не просто к мужчине. Она идет к бездне. Она сама, добровольно, шагает в ту самую воронку, о которой с ужасом предупреждала ее мать.

Далеко впереди, сквозь мрак, прорезался желтый, слепой луч берегового маяка. На долю секунды он выхватил из темноты изгиб скалы и часть черной, вздымающейся воды. И там, в этой вспышке, Алиса увидела скрытую бухту. Защищенный от ветра карман, где вода была густой и гладкой, как ртуть. На воде, чуть покачиваясь в такт тяжелому дыханию океана, стоял темный силуэт парусной лодки. Без единого огонька. Ждущий.

Алиса остановилась на самом краю скалы. Ночной ветер облепил ее тело шелком, рисуя в темноте абсолютно беззащитный, женский силуэт. Она сделала глубокий, судорожный вдох, вбирая в себя запах шторма, соли и свободы. И начала спуск к воде.

Спуск к скрытой бухте был подобен сошествию в первобытный, доисторический мир, где не существовало ни времени, ни спасательных вышек, ни прямых углов. Алиса ступала по влажным, заросшим скользкими водорослями камням, и каждый ее шаг был актом добровольной сдачи.

Темная, тяжелая вода бухты была гладкой, как отполированный обсидиан. На ее маслянистой поверхности, едва заметно покачиваясь в такт глухому дыханию открытого океана, лежал темный силуэт старой парусной яхты. Ни единого огня. Лишь бледный, призрачный свет луны выхватывал из мрака высокую мачту и плавные, хищные обводы деревянного корпуса.

Марк ждал ее на палубе. Он стоял у самого борта, сливаясь с темнотой, — безмолвный страж этого дрейфующего святилища. Он не окликнул ее, не бросил швартовый конец, не протянул трап. Он давал ей право выбора до самой последней секунды.

Алиса подошла к краю узкого каменного пирса, глубоко вдающегося в воду. Между ее босыми ногами и бортом яхты зияла черная, пульсирующая щель шириной в полметра. Вода в этой щели с чавкающим звуком билась о дерево и камень.

Для человека суши, для идеальной спасательницы Алисы Ветровой, привыкшей к твердому, раскаленному металлу платформы и непоколебимой плоскости пляжа, этот шаг был равносителен шагу в пропасть. Это и был тот самый Переход Порога. Рубикон, за которым заканчивалась ее власть над гравитацией.

Она сделала судорожный вдох, вбирая в легкие густой аромат йода, и шагнула вперед.

Ее босая ступня коснулась влажного тика палубы. В ту же секунду яхта, подчиняясь законам физики и воды, мягко, но неотвратимо накренилась под ее весом. Палуба ушла из-под ног. Алису захлестнул рефлекторный, животный ужас потери опоры. Ее тело, выдрессированное годами жестких тренировок, мгновенно напряглось, пытаясь сгруппироваться, поймать баланс, отвоевать контроль у нестабильной поверхности. Она инстинктивно вскрикнула и взмахнула руками, ища спасительный релинг.

Но вместо жесткого металла ее пальцы наткнулись на горячую, живую плоть.

Марк перехватил ее. Его руки, сильные и уверенные, сомкнулись на ее талии, прижимая к себе. Он не просто поймал ее — он абсорбировал ее панику, принял на себя ее вес, становясь ее единственным якорем в этом качающемся мире.

— Не борись с ней, — прошептал он ей в самые губы. Его голос был низким, бархатистым, и его вибрация передавалась ей через грудную клетку. — Не пытайся устоять. Отдай воде свой вес. Позволь ей держать тебя.

Алиса замерла, вцепившись в его плечи. Лодку продолжало мерно, гипнотически покачивать. Марк плавно сместил центр тяжести, и Алиса, прижатая к нему, качнулась вместе с ним. Вправо. Влево. Вниз. Вверх. Страх начал отступать, сменяясь странным, тягучим головокружением. Земное притяжение здесь не работало. Здесь правили иные силы.

Он не стал разрывать объятия. Обхватив ее за плечи, Марк мягко увлек ее к трапу, ведущему вниз, в нутро лодки.

Они спустились в тесную, темную каюту. Воздух здесь был густым, теплым, пропитанным запахами, от которых у Алисы мгновенно пересохло во рту. Пахло нагретым за день лакированным деревом, солью, парусиной и острым, терпким мускусом мужского тела. Сквозь кро-

шечные иллюминаторы пробивались лунные блики. Отражаясь от воды, они танцевали на низком деревянном подволоке серебристыми змеями. Звук плещущейся за бортом воды здесь, внизу, был громче, глуше, он походил на биение огромного, древнего сердца.

Марк отстранился лишь на шаг. В полумраке его глаза казались черными провалами. Алиса стояла посреди каюты в своем промокшем от брызг шелковом платье, которое прилипло к телу, превратившись во вторую кожу. Яхту снова качнуло. Алиса инстинктивно расставила ноги шире и напрягла икры, пытаясь удержать равновесие на подрагивающем полу. Ее плечи приподнялись, челюсти сжались. Она снова стала спасателем, готовым отразить удар стихии.

Марк увидел это. Он подошел вплотную. Его большие, мозолистые пальцы легли на ее напряженные плечи.

— Расслабься, — его шепот коснулся ее уха, обжигая кожу. — Ты больше не на службе. Здесь некого спасать. И не от кого спасаться.

Его ладони медленно, с нажимом скользнули по ее шее, нащупывая тугие узлы спазмированных мышц. Он разминал их с той же властной нежностью, что и вчера на вышке, но теперь между ними не было дистанции протокола. Теперь они были отрезаны от всего мира толщей воды и деревянными переборками.

Его пальцы нащупали тонкие бретельки платья. Марк не стал их рвать. Он стянул их медленно, с садистской неторопливостью, позволяя мокрому шелку с тихим шорохом сползти по ее плечам, груди, животу и упасть к босым ногам темной, блестящей лужей. Алиса осталась абсолютно нагой в полосах лунного света.

Она задрожала. Не от ночной прохлады — в каюте было душно, — а от чудовищной, пронзительной уязвимости.

Марк опустился на колени. Его лицо оказалось на уровне ее живота. Он прижался щекой к ее теплой коже, вдыхая ее запах, а затем его губы коснулись впадинки пупка. Алиса судорожно выдохнула, ее пальцы впились в его густые, жесткие от соли волосы. Яхту качнуло на волне, и Алиса пошатнулась, теряя баланс. Марк обхватил руками ее бедра, удерживая на месте, а его язык скользнул ниже, в самое средоточие ее влажного, пульсирующего жара.

Это было не просто лаской. Это было вторжением, исследованием, поглощением. Алиса застонала, откинув голову назад. Ее бедра начали непроизвольно двигаться, пытаясь задать ритм, пытаясь контролировать*то наслаждение, которое на нее обрушилось. Спасатель внутри нее хотел управлять процессом.

Но Марк жестко сжал ее ягодицы, останавливая эти судорожные попытки.

— Нет, — глухо произнес он снизу. — Отдай контроль. Просто чувствуй.

Он поднялся, подхватил ее на руки, словно она ничего не весила, и уложил на широкую, низкую кровать, встроенную прямо в борт яхты. Матрас находился почти на уровне ватерлинии. Лежа на спине, Алиса спинным мозгом, каждым позвонком ощущала, как за тонкой деревянной обшивкой перекачиваются тонны воды. Океан был под ней, вокруг нее, внутри нее.

Марк избавился от своей одежды одним плавным, хищным движением. Его обнаженное тело, покрытое шрамами и играющее литыми мышцами, нависло над ней в полумраке.

Когда он вошел в нее — медленно, бесконечно глубоко, заполняя ее до краев, — лодка сделала долгий, протяжный выдох, накренившись на левый борт. Вектор тяжести сместился, и этот крен заставил Марка проникнуть в нее еще глубже, под иным, немислимим углом. Алиса вскрикнула, выгнув спину дугой. Ощущение было настолько острым, настолько пронзительно-сладким, что граничило с болью.

Она попыталась вцепиться в его плечи, попыталась сжать мышцы лона, чтобы удержать его, чтобы зафиксировать это мгновение.

— Отпусти, — его голос был подобен рокоту прибоя. Он перехватил ее запястья и прижал их к матрасу по обе стороны от ее головы. — Расслабь бедра. Расслабь шею. Дыши.

Она смотрела в его глаза и видела в них ту самую бездну, которой ее пугала мать. Но теперь эта бездна не сулила смерти. Она обещала свободу.

Алиса закрыла глаза и сделала то, чего не делала никогда в жизни. Она сдалась. Она разомкнула челюсти, расслабила мышцы живота и бедер, превращаясь из жесткого сосуда в податливую, принимающую воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.